

ВОЙНА и МЫ

ВОЕННОЕ ДЕЛО ГЛАЗАМИ ГРАЖДАНИНА

Артем Драбкин

**Я ДРАЛСЯ
НА «ТИГРЕ»**

**Немецкие танкисты
рассказывают**

**МОСКВА
2015**

УДК 623.438.3(430)“1939/45”

ББК 68.513

Д72

Драбкин, Артем Владимирович.

Д72 Я дрался на «Тигре». Немецкие танкисты рассказывают / Артем Драбкин. — Москва : Яуза-пресс, 2015. — 288 с. — (Война и мы).

ISBN 978-5-9955-0816-8

В НОВОЙ книге ведущего военного историка собраны интервью немецких танкистов, от рядовых до знаменитого панцер-аса Отто Кариуса. Им довелось воевать на всех типах танков — от легких Pz.II и Pz-38(t) и средних Pz.III и Pz. IV до тяжелых «Пантер», «Тигров» и «Королевских Тигров», а также на самоходках, «штугах» и «ЯгдТиграх». Они прошли через решающие сражения Восточного фронта — от границы до Москвы и от Курской Дуги до Берлина. И все они, вспоминая войну против России, твердят об одном: «ЭТО БЫЛ АД!»

**УДК 623.438.3(430)“1939/45”
ББК 68.513**

ISBN 978-5-9955-0816-8

© Драбкин А., 2015
© ООО «Яуза-пресс», 2015

**ОТТО
Кариус**

— Здравствуйте! Да вы еще и с моей фотографией! Ochen' khoroscho! Это же фотография динозавра! Ochen' khoroscho!

— **Для своих лет вы очень хорошо выглядите, так что вы не динозавр.**

— Запись все время работает? Тогда мне нужно вести себя прилично.

— **Вопросы, которые мы зададим, это не только наши вопросы, это вопросы большого сообщества русских любителей военной истории, которые читали вашу книгу и хотят уточнить детали, особенно относящиеся к первому периоду войны.**

Хотелось бы начать разговор с того самого боя в Малиново. У нас есть две фотографии...

— Малиново! О да.

— **В этот день там погибли два Героя Советского Союза, оба были командирами ба-**

тальяонов. У меня есть фотографии этих двоих, и я бы хотел, чтобы вы на них посмотрели. Может быть, вы кого-то вспомните. Один из них сгорел в танке, а второй...

— Сразу могу сказать, что я их не видел.

— Но того, который застрелился, вы видели?

— Нет. Солдаты видели, они потом мне рассказали. А я сам не видел.

— У вас в книге написано, что вы видели награду?

— Лично не видел. Но те, кто докладывал, сказали, что оставили награду на погибшем. Ее никто не снимал! Мы так никогда не поступали. Этим потом занимались американцы — они снимали все подряд.

Я не воевал ни с погибшими, ни с пленными. Более того, я не стрелял, если танк противника уже побежден и экипаж покинул его. Мы были очень потрясены, когда узнали, что в современном Бундесвере молодые танкисты упражняются воевать с экипажем, после того как он покинул танк. У меня в роте это было не принято.

В Дюнабурге [Даугавпилс] мне запомнился один пленный, который потерял ногу. Я предложил ему сигарету. Он ее не взял, а одной рукой сам свернул себе самокрутку.

Я никогда не понимал, как они это делают. Makhorka! Они были немного примитивные.

В основном пехота, разумеется. Технические войска уже никак нельзя назвать примитивными.

Многие сотни русских погибли совершенно бессмысленно, потому что их необдуманно бросили в бой. Например, наступая через Нарву. 500–600 человек погибали каждую ночь... Они лежали там на льду. Это же чистое безумие.

У нас такое происходило реже. Мы не могли позволить себе подобной роскоши, потому что у нас было намного меньше людей. Но тоже случалось, что от батальона после атаки оставалось 10 человек. От целого батальона!

— Вернемся в 1940 год. В Шлезвиг-Гольштейне вы обучались на заряжающего?

— Да, тогда я был рекрут. Отрабатывали все, что нужно заряжающему танкового орудия. Сверх того существовала обычная армейская подготовка — строевая, приветствие и прочее. И еще отрабатывали то, что необходимо для выживания. Почему я еще жив, так это благодаря тем тренировкам.

— Как командир танка давал вам команды — руками, голосом или через переговорное устройство?

— У нас имелось радио. А вот у наших противников связь была намного хуже. Как с точки зрения техники, так и по профессионализму персонала. Если бы было по-другому, то мы бы проиграли войну уже в 1942 году. Ну и конечно, у русских были

проблемы в руководстве и в поведении отдельных членов экипажа танка. Я ни разу не видел, чтобы русский командир танка выглядывал из люка во время боя. Это было нашим счастьем и несчастьем нашего тогдашнего противника.

— Что входило в обязанности заряжающего во время марша?

— Заряжающий должен следить за тем, чтобы пушка была вовремя заряжена, а пулемет не имел задержек. Если случались задержки, заряжающий должен уметь быстро их устранить. Заряжающий — это несчастный человек, который ничего не видел и не понимал, что происходит. В чешском танке Pz-38 (t) вообще ничего не видно, да и в «Тигре» тоже.

— Как вы убирали смазку со снарядов?

— Ничего подобного не делалось. Снаряды заряжались такими, какими поступали к нам.

— Снаряды вы должны были укладывать?

— Да. Они находились в укладке. В боеукладке «Тигра» 98 снарядов. А в чешском танке было еще меньше.

— Сколько бронебойных снарядов и сколько фугасных было в Pz-38 (t)?

— В чешском танке применялось только два вида снарядов: бронебойные и осколочно-фугас-

ные. У нас обычно было 50 на 50. Каждый экипаж сам решал, сколько каких снарядов ему брать. Это в основном зависело от командира.

— Насколько Pz-38 (t) был хорош для войны в России?

— Совсем не годился. Экипаж этого танка состоял из четырех человек. Командир должен руководить, стрелять и наблюдать. Для одного командира это слишком много. А если он еще и командир взвода или роты — это уже практически невозможно, потому что у каждого только одна голова. Чешский танк хорош только для маршей. Нижняя часть, до пояса, у него очень удачная. Полуавтоматические планетарные передачи, крепкая ходовая. Чудесно! Но только для того, чтобы ездить!

Сталь тоже была плохая. Пушка в 3,7 сантиметра против Т-34 слишком слаба.

Если бы тогда русские находились не в стадии перевооружения, а Т-34 появился бы у них немного раньше и если бы им правильно управляли, то война закончилась бы в 1941 году, самое позднее — зимой.

— Вы помните первый бой с Т-34? Вы осматривали его после боя, залезали вовнутрь?

— Мы не были передовой частью. Передовые части воевали с Т-34, а мы про него только слышали. Слушали и ужасались. Для нас было необъяснимо, почему это явилось сюрпризом для не-

мецкого руководства. И это при том, что немцы разрабатывали танки вместе с русскими в Казани. Про Т-34 мы ничего не знали.

— Члены экипажа танка были взаимозаменяемы?

— Смотря как посмотреть. Мы были счастливы, если мы могли оставаться все время в одном экипаже. Но если вы командир взвода или роты, то вам иногда необходимо пересаживаться. Кого-то высаживали, он при этом был чертовски зол. Но ничего нельзя поделать, командиру тоже нужен танк.

— В пределах одного танка, например, мог водитель стрелять, а наводчик водить?

— Определенно это было возможно. Но персонально у меня этого никогда не случилось. Бывало, во время марша я, заряжающий, вел танк, подменяя водителя. Это происходило, потому что мы все время ехали. Ехали, ехали и ехали...

— Как указывалась цель, по циферблату?

— Цель указывал командир. Хороший наводчик тоже наблюдает через оптику. Но обычно командир сам решает, куда стрелять.

Во время обучения были приняты определенные формы приказов. Но в реальности все говорили нормально, так же, как говорим сейчас мы втроем. Более того, мы много не разговаривали. Всегда надо быть настороже и наблюдать. Особен-

но это относится к командиру. У меня, к примеру, было так: я клал руку наводчику на левое плечо, и он поворачивал пушку налево, а когда я переключал на правое — направо. Все это происходило спокойно и в полной тишине.

Это в современных танках командир может переменить управление, а у нас такого еще не было. Но это и не нужно, потому что командир все равно не мог вмешиваться. У него и без того хватало других задач.

— **Стреляли с остановок или на ходу?**

— Мы стреляли только с остановок. Стрелять на ходу это слишком неточно, да и не нужно.

— **Какую команду вы давали механику-водителю, чтобы он остановился?**

— Просто приказывал остановиться [Stopp или Halt] или что-то в этом духе. Ничего особенного, никакой специальной команды. Механик-водитель, по-моему, это самый главный человек в танке. Если механик-водитель хороший, то он всегда поставит танк в правильную позицию по отношению к противнику, не покажет ему борт и по возможности всегда стоит передом.

— **Русские окапывали танки. А немцы это делали?**

— Да, мы иногда так тоже делали. Особенно в первую зиму, когда стояли в обороне. У нас тогда не хватало противотанковых пушек.

— Вы, как командир танка, чистили и приводили танк в порядок вместе с экипажем?

— Интересный вопрос. К примеру, мой командир танка... Невозможно было представить, что он даже дотронулся до снаряда или до канистры с бензином. А я всегда помогал грузить боезапас, обслуживать танк и прочее... Психологически это влияло превосходно. Маленький фокус с большим воздействием! Но я это делал также по убеждению — ведь мои товарищи по экипажу тоже уставали.

— Как звали вашего командира?

— Это тот самый, которого скоро застрелили. В книге есть...

— В 1941 году вас отозвали с фронта в офицерскую школу. На фронт вы вернулись в зимнем обмундировании?

— Зимнего обмундирования нам еще не выдавали. А вот у русских оно было. Многие тогда погибли из-за того, что пытались снять с павших русских валенки. Если вы меня спросите, как я пережил первую зиму, то я могу только сказать, что я там был, но не знаю, как я там выжил. Мы зимовали на открытом месте почти в 50-градусный мороз. Снабжения нет, все замерзло. Из еды только лошадиное мясо и замерзший хлеб. И тот надо рубить топором. Никакой горячей еды. Слово «гигиена» вообще исчезло как понятие! Снег, ледяной шторм, никакой зимней одежды. Танков уже нет,

осталась только одна черная униформа. А в снегу в ней просто прекрасно, очень хорошо! Сидишь и ждешь, когда тебя атакуют привыкшие к снегу, одетые в маскхалаты, хорошо обученные русские лыжники... Но... Я все еще жив!

— **Вши были?**

— Много! Если кто-то говорит, что у него не было вшей, значит, он никогда не воевал на переднем крае в России. Сто процентов!

— **Вы жили в домах?**

— Вы наверняка знаете, что Сталин приказал все сжечь и ничего не оставлять. Первую зиму можно забыть. А потом у нас появились танки, так что в них можно было хоть немного обсушиться. В танке тоже холодно, в них не предусматривался обогрев. Хуже всего приходилось пехоте. Там с гигиеной дело обстояло совсем плохо. Я не знаю, как мы это пережили. Вши! А белье сменить невозможно! Мой экипаж с 20 января по 20 апреля жил только в танке, за исключением двух или трех дней, когда танк сломался и его пришлось чинить. Мы совершенно не брились. Мне еще было немного лучше, потому что я иногда возвращался на командный пункт и мог там по крайней мере помыть руки.

Один раз я вернулся выбритым, и мой старшина с фельдфебелем меня не узнали. Они подумали, что им прислали нового командира. Теперь понятно, как мы выглядели?!

— **Русские копали траншею, наезжали на нее танком и так ночевали. Вы так делали?**

— Иногда, на коротких промежутках. Но потом это запретили, потому что один раз бомба попала в танк, и весь экипаж при этом погиб. Поэтому так мы больше не делали, а старались прятаться в строениях, на кладбищенских дворах или там, где были какие-то углубления.

— **Когда вы вернулись из офицерской школы, какой танк вы получили?**

— Сначала никакого! Я должен был принять командование взводом саперов, хотя не имел ни малейшего понятия о минах и прочем. Пришлось изучать саперное дело на практике. И это мне позже пригодилось. Потом я стал командиром танкового взвода в звании фельдфебеля... Мы еще воевали на чешских танках. Потом меня повысили, и я стал командиром взвода PzKpfw-IV с 7,5-сантиметровой пушкой.

— **Как вы заводили танки на морозе?**

— Если аккумулятор в порядке, то проблем нет. Иногда, если было совсем холодно, мотор приходилось прогревать. Пехоте это очень не нравилось, потому что, когда мы заводили танки, наши «друзья» начинали стрелять, думая, что у нас какие-то планы, хотя мы ничего плохого не имели в виду.

— **Вы разводили костер под танком, чтобы прогреть мотор?**

— Нет, у нас такого не практиковалось, я этого никогда не видел.

— **Вы слышали про противотанковых собак?**

— Слышал, но никогда не видел.

— **Насколько были эффективны русские противотанковые ружья?**

— Pz-III и Pz-IV они элементарно пробивали в борт. Потом у нас по бортам появились экраны, и им приходилось подходить ближе. Но уверенно танки они не поражали. Против «Тигра» они вообще были бесполезны. Они только могли нанести какой-то ущерб, разбить гусеницу, но я говорю про опасность для экипажа.

— **По «Тигру». Насколько он был надежен?**

— Ну, сначала у него были детские болезни. Первая рота на «Тиграх» использовалась в битве на Ладоге под Волховом. Местность для танков там почти непроходимая. К тому же еще стояла зима. Они все вышли из строя из-за технических проблем! Но это всегда так, у каждой новой разработки.

Существенным фактором, влияющим на живучесть танка «Тигр», являлась хорошая подготовка